
Денис Валерьевич
МЕЛЬНИК

ИЗ ИСТОРИИ
ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ:
«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»

Москва
Институт экономики
2014

Мельник Д.В. Из истории институционализации экономической науки: «Ленинградское дело» — М.: Институт экономики РАН, 2014. — 54 с.

ISBN 978-5-9940-0471-5

В докладе раскрываются особенности формирования и функционирования советской экономической науки на примере Ленинграда и, в особенности, экономического факультета Ленинградского государственного университета. С 1949 г. ЛГУ и его экономический факультет оказались в эпицентре «Ленинградского дела», одного из последних показательных политических процессов сталинской эпохи. Связанные с этими событиями увеличение документооборота, стенографирование многочисленных заседаний, показательных дискуссий, лекций, другие сохранившиеся в архивах материалы, а также свидетельства очевидцев существенно расширяют доступную информационную базу и позволяют воссоздать весьма полную картину развернувшихся процессов.

Ключевые слова: история советской экономической науки, институционализация науки, профессиональное сообщество экономистов, «Ленинградское дело», риторика экономики.

Классификация JEL: A11, B24, B49

Abstract

The paper presents an overview of institutionalization of Soviet economic science with a focus on Leningrad and the Economic Faculty of Leningrad State University (LSU) in particular. At the turn of the 1950s LSU and its Economic Faculty were placed at the epicenter of «Leningrad Affair», one of the last major purges of the Stalin era. The associated increase in document circulation, the practice of stenographic transcriptions of numerous meetings, discussions, lectures, and other materials preserved in the archives, as well as eyewitness accounts, expand the available sources and allow to reconstruct a very complete picture of the unfolding processes.

Keywords: history of Soviet economics, institutionalization of knowledge, academic community of economists, «Leningrad Affair», rhetoric of economics.

JEL classification: A11, B24, B49

ISBN 978-5-9940-0471-5

© Институт экономики РАН, 2014
© Мельник Д.В., 2014
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Вводные замечания	4
Глава II. Факторы институционализации общественных дисциплин в СССР	8
Глава III. Государство и политэкономия	12
Глава IV. «Ленинградское дело»	27
Глава V. Советская политэкономия: рождение дискурса	33
Приложение. Биографии деканов экономического факультета Ленинградского государственного университета (1940–1955)	41
Литература	52

Вводные замечания

В одном из любимых советскими экономистами высказываний «из классиков» отмечалось, что только «сила абстракции» способна компенсировать невозможность использования «микроскопами» и «химическими реактивами» в предметной области их исследований. В еще одной, не менее популярной, цитате провозглашалось, что марксизм есть «не мертвая догма». В связи с этим подавляющее большинство людей, изучавших в каком-либо качестве политическую экономию, твердо знали, что необходимо, прежде всего, овладение методом Маркса, а не заучивание его отдельных положений, и это тем более важно, поскольку «в науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам». Общее знание этих и некоторых других высказываний до сих пор может структурировать общение людей из очень разных социальных и возрастных групп, что, несомненно, свидетельствует о впечатляющих успехах в стандартизации преподавания экономической науки в СССР. Однако успехи в области собственно научных исследований были гораздо более скромными. Бессодержательный характер теоретических построений советской политэкономии явно или неявно осознавался значительным числом представителей научного сообщества еще в советский период. В наибольшей степени это относилось к ее официально признанному теоретико-методологическому ядру: политической экономии социализма.

Часто утверждалось и утверждается, что развитию подлинно научных исследований препятствовал идеологический диктат. Отчасти это, несомненно, так. Но несомненно и то, что в политической экономии (как и в других общественных науках) советского периода можно найти немало примеров оригинальных исследований, выходящих за рамки официальных догм. Однако есть как минимум два обстоятельства, препятствующих беспрепятственной

демаркации «науки» и «идеологии» применительно к советской политической экономии. Во-первых, снятие идеологических и политических ограничений во второй половине 1980-х гг. не привело к ренессансу в области марксистских исследований, несмотря весь накопленный профессиональный и институциональный потенциал. Во-вторых, переформатирование некогда единого профессионального сообщества сопровождалось для значительной части экономистов не отходом от прежней «грамматики идеологии», а лишь видоизменением используемых в ее рамках терминов. Как представляется, дискурсивные особенности советской политэкономии, заложенные в начале проекта по ее созданию, в 1920-е – 50-е гг., продолжают оказывать негативное влияние на функционирование научного сообщества и после отхода от идеологии, лежавшей в его основе. Иными словами, «провалы» научного анализа, традиционно связываемые в прошлом с необходимостью подчинения идеологии, за последние десятилетия не исчезли, а продолжают воспроизводиться, пусть и в трансформированном виде.

Именно поэтому наиболее развитая на сегодняшний день линия исследований советской политической экономии – в рамках традиционных историко-научных методов, предполагающих возможность четкого выделения научного анализа как самостоятельного объекта исследования, закономерности развития которого определяются логикой теории, – представляется и наименее плодотворной. Напротив, исследования, которые явно или неявно отражают знания о до- и вненаучных факторах, воздействовавших на творчество советских политэкономов, оказываются, как правило, весьма информативными и позволяющими перевести, а не просто транскрибировать, их эзотерический язык.

«Трудности перевода» нередко присутствуют даже в общении между современниками, придерживающимися различных теоретических подходов. Одним из условий оперирования понятиями и абстракциями является наличие у всех участников процесса коммуникации их общего понимания. Оно может следовать из интуиции или предшествующего опыта. Но формирование профессионального языка науки позволяет выявить особый объект для методологического анализа и сделать основания для поддержания такого пространства общего опыта эксплицитными.

Советская политическая экономия в процессе своей институционализации сформировала особое дискурсивное пространство, четкое и трезвое («циничное») осознание канонов которого давало некоторые возможности для маскировки собственных взглядов и для сохранения некоторой внутренней свободы. Но в общем этот дискурс, при всей видимой абстрактности, не оставлял большого пространства для оперирования абстракциями, явно и неявно привязывая устную и письменную речь к задачам социализации и поддержания статуса в профессиональной среде. Результатом проекта по созданию советской политической экономии стало не формирование особого «ящика с инструментами», обеспечивающими реализацию соответствующих исследовательских программ, а возникновение профессионального сообщества политэкономов, призванного реализовывать дидактические и идеологические функции, возлагаемые на экономическую науку. Предположим, в качестве рабочей гипотезы, что именно это сообщество выступало основной и исходной категорией, в ходе «диалектического» саморазвития которой проявлялись существенные характеристики политэкономических исследований. Таким образом, как политическое воздействие, так и собственно «категории политэкономии социализма» выступают по отношению к развитию советской политической экономии значимыми, но внешними факторами.

Может показаться, что данная гипотеза неправомерно трансформирует историко-научное исследование в социально-историческое, лишая сферу собственно экономической науки ее содержания и значения. Следует подчеркнуть в связи с этим, что речь идет исключительно о рабочей гипотезе, и я нисколько не умаляю значения истории экономической науки советского периода именно как науки. Такую историю, по сути, только предстоит создать — при условии, что она найдет не только своих авторов, но и читателей. Вместе с тем в XX в. перед общественными науками ставились задачи не столько постижения сущностей, сколько реализации экспертной и преподавательской деятельности. При этом и сами процессы исследования и преподавания существенно изменились. Это относится не только к советской, но и западной науке. Однако в первом случае изменения протекали наиболее «весомо, грубо, зримо». Профессиональное сообщество стало не предпосыл-

кой, а результатом проекта по созданию политической экономики социализма. Но, как и в случае других институтов советского строя, результат был в значительной степени непредвиденным: действительное (а не предписанное) функционирование этого сообщества превращало его в самостоятельный элемент системы и порождало периодические внутренние и внешние трения и конфликты. Выдвинутая рабочая гипотеза лишь подчеркивает объектность профессионального сообщества политэкономов и никоим образом не отвергает возможность изучения аналитических достижений отдельных представителей этого сообщества или их коллективов и школ.

В работе данная гипотеза применяется к рассмотрению процессов, развернувшихся в экономической науке Ленинграда в период так называемого «Ленинградского дела» рубежа 1940-х — 1950-х гг. Последующее изложение состоит из четырех глав. Во второй главе выделяются факторы, оказывающие влияние на процессы институционализации общественных дисциплин в первые десятилетия советской власти. В третьей подробно рассматриваются особенности формирования советской экономической науки на примере Ленинграда. В четвертой описывается ход «Ленинградского дела» и его воздействие на деятельность экономического факультета Ленинградского государственного университета, ставшего одной из основных мишеней репрессий. В заключительной пятой главе уделяется внимание дискурсивным особенностям советской политэкономии. В приложении приводятся краткие биографии четырех деканов экономического факультета ЛГУ периода 1940–1955 гг. Они, как представляется, могут проиллюстрировать суть трагического слома поколений и преемственности, произошедшего на факультете в ходе «ленинградского дела».

В работе использованы материалы: Объединенного архива Санкт–Петербургского государственного университета (ОА СПбГУ); Центрального государственного архива Санкт–Петербурга (ЦГА СПб); Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт–Петербурга (ЦГАИПД).

Факторы институционализации общественных дисциплин в СССР

На рубеже XIX – XX вв. происходили качественные изменения роли и значения общественных наук. Из относительно автономных и открытых в отношениях между учеными как из разных стран, так и из разных предметных областей сфер исследования и преподавания они начали превращаться в обособленные дисциплины со своими факультетами, департаментами, ассоциациями, изданиями, с четкой регламентацией внутренней иерархии. На институциональном уровне это означало вытеснение классического университета и добровольных ассоциаций исследователей как идеальных моделей организации исследовательской и преподавательской деятельности. Их место занимали специализированные учебные заведения и учреждения по проведению научных исследований, зависящие от конкретных источников финансирования и нацеленные на выполнение определенных задач. Безусловно, на эти процессы повлияло и само развитие научного знания. Но едва ли можно отрицать решающее воздействие «внешних» факторов: рост государственного вмешательства в экономику, связанный в том числе и со становлением военно-промышленного комплекса, расширение социальных программ, обострение идеологических противоречий и начало борьбы двух социально-экономических систем. Высшее образование и наука переставали быть автономными сферами, встраивались в структуры государства в «экспертной и образовательной роли».¹

Значение указанных функций общественных дисциплин многократно усилилось после Октябрьской революции – и не только в России. Сегодня часто принято сводить опыт социалистического строительства к случайному политическому перевороту и

1. См.: Дмитриев А.Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. 2007. № 88.

последовавшему за ним «зигзагу» истории. Но следует отделять политические пристрастия и оценки от анализа действительного хода событий. Победа большевиков означала появление реальной (и, как таковой, угрожающей), а не просто умозрительной и теоретической альтернативы капиталистическому устройству. И для успешного противостояния этой альтернативе потребовалось открытие в том числе и идеологического фронта. Общественные дисциплины в связи с этим должны были по обе его стороны формировать через образование «правильную» картину мира, необходимую для стабилизации и внутреннего сплочения. Важно указать и еще на одну тенденцию, проявившуюся в первой половине XX в., но ставшую особенно явной во второй: движение в сторону «массовизации» образования и научной деятельности, закономерно увеличившее потребности в регулировании этой сферы и в нахождении устойчивых источников финансирования научно-образовательной деятельности.

Таким образом, многое в советском опыте может быть понято более четко, если рассматривать его не изолированно, а в общемировом контексте. Его уникальность заключается не столько в направленности проводившихся изменений, сколько в том, что новое советское государство дало первый пример масштабного целенаправленного конструирования новой социально-экономической модели, в которой наука и образование, естественно, играли значительную роль. При этом необходимость ускоренной модернизации в условиях нехватки ресурсов и особенностей политической системы привела к тому, что процессы «огосударствления» науки и образования зашли, принимая зачастую карикатурные и уродливые формы, гораздо дальше, чем в богатых капиталами странах с демократическими режимами.

Несмотря на развертывание широкого партийно-государственного контроля за системой образования, было бы не вполне верно рассматривать данный процесс исключительно в терминах тоталитарного принуждения со стороны государства. Исследования по социальной истории науки, появившиеся в последние два десятилетия, демонстрируют на примере становления и развития отдельных научных дисциплин и направлений, что научное сообщество не являлось пассивным субъектом воздействия со стороны

государства.² При этом «власть» и «наука» не противостояли друг другу как единые монолитные структуры. Внутри них, на разных иерархических уровнях, выделялись различные группы интересов и центры влияния, находившиеся в постоянном взаимодействии. Вектор развития научной и образовательной деятельности на тот или иной момент определялся сложившейся системой сил. Все многообразие факторов, влиявших на эту систему, невозможно свести исключительно к идеологическим мотивам, игравшим безусловно важную, но далеко не всегда определяющую роль. В целом среди этих факторов можно выделить две большие группы: субъективные и объективные.

Первая группа связана со случайными во многом обстоятельствами, обусловленными существующим политическим раскладом, имеющимися конфликтами и противоречиями, амбициями различных игроков, их умением вести аппаратные интриги и т.д. Одной из важнейших черт командной системы управления, вполне сложившейся уже к 30-м гг. и обретшей законченные черты к началу 50-х гг., «было ее умение вырабатывать идеологические обоснования для каждого своего действия. Политические решения и события, вызванные разнообразными обстоятельствами, неизменно объявлялись логически неизбежными следствиями высоких принципов».³ Стремление к тотальному контролю, концентрация фактически всех нитей управления в руках одного человека оборачивались на деле полной непредсказуемостью и произвольностью. «...Система реагировала на случайные раздражители, но с избыточным приложением сил: не очень значительные «сигналы с мест» могли лавинным образом спровоцировать несоразмерно масштабные политические последствия».⁴

Вторая группа – с более устойчивыми параметрами, обусловленными осознаваемыми потребностями экономического и социального развития, долговременными целями (прежде всего,

2. Значительное количество материалов и исследований по данной проблематике представлено на Интернет-портале «Социальная история отечественной науки (электронная библиотека и архив)» (<http://www.ihst.ru/projects/sohist/index.htm>), созданном в Институте истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

3. Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947 – 1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4. С. 54.

4. Там же.

необходимостью индустриализации), наличием ресурсов и степенью их ограниченности, особенностями плановой экономики, связанными с нею механизмами финансирования и управления.

Встраивание науки и высшей школы в командно-административную систему в основном завершилось к концу 1940-х гг. При этом особенность положения политической экономики заключалась в том, что она долгое время выпадала (и с содержательной, и с организационной точек зрения) из поля внимания властей. Рассмотрим далее складывание структур экономической науки в послереволюционном Ленинграде.

Государство и политэкономия

Революция, Гражданская война и разруха нанесли сильнейший удар по Петрограду и по его научно-образовательному потенциалу.⁵ Многие исследователи покинули город, значительной части из них не суждено было вернуться. Этот удар был еще более усугублен переносом столичных функций в Москву в 1918 г. В области научной деятельности это существенно ограничивало возможности создания или воссоздания после определенной нормализации обстановки экспертных центров, непосредственно обслуживающих проведение экономической политики.

В дореволюционном Петрограде можно выделить два ведущих научно-образовательных центра в области экономических дисциплин: юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (где преподавали, в частности, М.И. Боголепов, А.И. Буковецкий, П.П. Мигулин, Л.В. Ходский, П.И. Георгиевский, М.И. Туган-Барановский, И.М. Кулишер, В.В. Святловский, С.И. Солнцев, А.Ю. Финн-Енотаевский) и экономическое отделение Политехнического института им. Петра Великого (П.Б. Струве, А.С. Посников, В.Н. Твердохлебов, М.В. Бернацкий, М.И. Фридман, А.А. Чупров). Научные кадры, сосредоточенные там, в значительной степени обеспечивали учебный процесс и в других высших учебных заведениях города. При этом между ними существовало известное разделение, обусловленное «ведомственной принадлежностью», принципами комплектования профессорско-преподавательских кадров (Политехнический институт считался более либеральным). Существовавшие различия проявлялись и в методологической сфере.

5. Описание тяжелейшей ситуации, в которой оказалась петербургская наука после революции см., например, в: *Купайгородская А.П.* Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда (1917–1922) // *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов.* СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003.

В послереволюционный период экономическое отделение (с 1918 г. — факультет) Политехнического института продолжало функционировать, несмотря на уход многих ярких исследователей. Оно, в частности, продолжало оставаться центром изучения и преподавания статистики и учетных дисциплин, экономической географии. В Петроградском университете, как и в некоторых других университетах страны, на основе слияния нескольких прежних факультетов и учебных заведений в 1919 г. был образован факультет общественных наук (ФОН), имевший в своей структуре и экономическое отделение (ЭКО), профессорско-преподавательский состав которого был во многом сформирован на основе дореволюционного.⁶

Но дореволюционные разграничения стали исчезать. Из числа преподавателей Политехнического института, работавших в Ленинградском университете, следует упомянуть В.Э. Дена (заведовавшего до 1929 г. там кафедрой экономической географии), В.Н. Твердохлебова (исследователя финансов), В.И. Зазерского (одного из значительных представителей учетной науки), А.В. Венедиктова⁷ (специалиста в области хозяйственного права, впоследствии — первого декана воссозданного в 1944 г. юридического факультета Ленинградского государственного университета), В.В. Степанова (одного из организаторов первой переписи населения 1897 г., члена Международного статистического института). Важной причиной, повлиявшей на размывание границ между научно-образовательными центрами, стало прекращение финансирования высшей школы в дореволюционном порядке и объемах. Основой заработка преподавателей стала почасовая оплата труда, вынуждавшая «кочевать» их по всему городу для проведения занятий. Так, уже упомянутый В.Э. Ден, помимо преподавания и заведования кафедрами в Политехническом институте и в Ленинградском университете, на протяжении 1920-х гг. проводил занятия в Институте путей сообщения, Военно-хозяйственной академии, Военно-политическом институте, Институте народного хозяйства и других учебных заведениях. И.М. Кулишер, также помимо университета и Политехнического

6. См.: Буковецкий А.И. Экономическое отделение ФОН // На штурм науки. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1971.

7. А.В. Венедиктов в 1910 г. окончил экономическое отделение Политехнического института, а в 1912 г. — юридический факультет Санкт-Петербургского университета.

института, преподавал в Военно-хозяйственной академии, Сельскохозяйственном институте, Лесотехнической академии.⁸ А.А. Вознесенский, представитель первого поколения советских политэкономов, начавших академическую карьеру уже после революции, вплоть до конца 1930-х гг. преподавал в Ленинградском государственном университете, Военно-морской академии, Ленинградском институте философии, литературы и истории, Ленинградском отделении Института Красной профессуры, Юридическом институте.

Еще одним фактором такой подвижности кадров была «дефицитность» преподавателей экономических дисциплин, проявившаяся особенно остро во второй половине 1920-х гг., по мере увеличения количественного состава студентов. Не изменилась ситуация и в 1930-е гг., когда государство взяло курс на закрепление профессорско-преподавательского состава за основными местами работы. С 1930 г. началось введение штатно-окладной системы оплаты труда профессорско-преподавательского состава, основанной на установлении годового объема учебной нагрузки по каждой из должностей (в то время: ассистента, доцента, профессора) и ежемесячного оклада. С этим было связано движение в сторону регламентирования и ограничения совместительства.⁹ Однако одним из препятствий для достижения данной цели были постоянные реорганизации структуры высшей школы. С начала послереволюционного периода она сохраняла подвижность: учебные заведения и подразделения появлялись, объединялись, разукрупнялись, ликвидировались. При слиянии или ликвидации учебных заведений речь шла тогда прежде всего о перемещениях студентов или передаче материально-хозяйственной части, тогда как сами преподаватели в значительной степени продолжали оставаться несвязанными с каким-либо единственным основным местом работы — именно в силу их нехватки и востребованности. Закрепление современной структуры высшей школы стало возможным лишь после значительного увеличения количества подготовленных преподавателей и

8. По воспоминаниям одного из студентов ФОНа, на одном из вечерних семинарских занятий И.М. Кулишер заснул во время доклада. Он добавляет, что, зная о едва ли не каждодневной загруженности преподавателя, в разных учебных заведениях города, студенты относились к его усталости с пониманием.

9. См.: Маврин С.П., Смирнов В.Н. История нормативного регулирования штатного совместительства в высшей школе // Правоведение. 1984. № 6.

их прихода в систему высшей школы. Это стало происходить лишь с 50-х гг.

Весьма показательной для характеристики состояния изучения и преподавания экономических дисциплин в послереволюционном Ленинграде является судьба ФОНа и его экономического отделения. Перед факультетом была поставлена задача «готовить кадры специалистов по гуманитарным наукам для идеологической и хозяйственной работы».¹⁰ Несмотря на короткое время существования, ФОН с этой задачей достаточно успешно справлялся. Среди его выпускников были первый и второй деканы открытого в 1940 г. политико-экономического факультета ЛГУ — А.А. Вознесенский (по окончании обучения он был направлен на кафедру политической экономии по рекомендации А.И. Буковецкого и И.М. Кулишера) и В.В. Рейхардт. В 1921–1924 гг. на нем обучался будущий лауреат Нобелевской премии в области экономики В.В. Леонтьев¹¹ (на экономическом отделении ФОНа преподавал и его отец, В.В. Леонтьев-старший)

О важности ФОНа Петроградского университета в новой структуре высшей школы свидетельствует то, что непосредственное внимание его организации и работе уделял нарком просвещения А.В. Луначарский — именно он, по воспоминаниям А.И. Буковецкого, предложил ему в 1922 г. занять должность заместителя председателя экономического отделения ФОНа и выполнять обязанности председателя до тех пор, пока утвержденный в этой должности М.И. Боголепов, крупный специалист в области финансов, ректор (в 1920–1922 гг.) Института народного хозяйства в Петрограде, должен был находиться в составе советской делегации по заключению мирного договора с Латвией.¹² Кроме того, именно в наркомате просвещения должны были утверждаться преподаватели для

10. Буковецкий А.И. Указ. соч. С. 53.

11. Об обучении В.В. Леонтьева см., напр.: *Воронцовский А.В.* В.В. Леонтьев — выдающийся экономист XX столетия // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Серия 5. Вып. 1.

12. Биография М.И. Боголепова демонстрирует воздействие переноса столичных функций на научно-образовательный потенциал города в области экономики. Его экспертные услуги были широко востребованы именно в столичных ведомствах, и вскоре он окончательно перебрался в Москву, где сотрудничал с Госпланом, Госбанком, участвовал в разработке финансовой программы на первую пятилетку. В 1939 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. Скончался он в 1945 г. в Москве.

курсов, обязательных как для всего факультета, так и только для экономического отделения.¹³

Особое внимание в подготовке новых советских специалистов уделялось социальному составу студенчества и регулированию его численности. В июле 1921 г. вводятся новые правила приема, связанные с классовым принципом отбора (официально отменены только в декабре 1935 г.) Созданные ранее при высших учебных заведениях рабфаки превращаются фактически в подготовительные курсы, слушатели которых обладали безусловным приоритетом при зачислении. Наряду с ними таким же правом обладали коммунисты и комсомольцы по рекомендации своих первичных организаций, лица, направленные наркоматами и профсоюзами. В 1922, 1924, 1925 и 1929 гг. осуществлялись «чистки» студенчества. Помимо их роли в пролетаризации высшей школы, они служили также сокращению чрезмерно разросшегося (особенно в период фактически свободного доступа в вузы в 1918–1920 гг.) и обременительного для государственного бюджета числа студентов.¹⁴

Быстрое изменение социального состава студенчества «позволило уже в 1921–1923 гг. подчинить партийному воздействию все студенческие организации. Студенты через своих представителей в различных органах университета, факультета и отделения (правление, президиум, предметные комиссии), через студенческую академическую секцию активно влияли на работу отделения».¹⁵ Непосредственным результатом стало резкое снижение уровня подготовки и успеваемости, ставшее особенно заметным по мере количественного увеличения числа студентов.

Однако быстро поставить под контроль и профессорско-преподавательский состав оказалось невозможно — замены «старым» профессорам попросту не было. Новая власть была вынуждена проявлять известную гибкость в отношении к «буржуазным специалистам». Так, на состоявшемся в марте — апреле 1922 г. XI съезде РКП(б) была подтверждена неизменность принципа под-

13. Буковецкий А.И. Указ. соч. С. 53 – 54.

14. См.: Андреев Д.А. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы // Новое литературное обозрение. 2008. № 90.

15. Шилов Л. А. Юридический факультет Ленинградского университета в первые годы советской власти // Правоведение. 1969. №1. С. 20.

чинения высшей школы государству. В то же время съезд осудил политику руководителя Главпрофобра — главка в структуре наркомата просвещения, осуществлявшего непосредственное руководство высшей школой, — Е.А. Преображенского, «проводившего непримиримую линию ко всем без исключения представителям старой профессуры»¹⁶. По предложению В.И. Ленина он был снят с занимаемого поста. Но если по отношению к представителям естественных и технических дисциплин власть вынужденно довольствовалась, по крайней мере, их отказом от публичной критики и согласием сотрудничать, то представители социально-экономических дисциплин непосредственно должны были принимать участие в «выковывании» новых людей. Поэтому идеологические требования к ним были существенно выше.

Уже в 1923 г. в недрах Главпрофобра и Государственного ученого совета (ГУС) созрела идея о расформировании ФОНа, была даже послана телеграмма о необходимости сворачивания работы экономического, правового и общественно-педагогического отделений. На тот момент ФОН удалось отстоять, но в последующие 2 года он все-таки был расформирован. Как объясняет А.И. Буковецкий, на тот период «в Ленинграде сложилось такое положение, когда экономистов какое-то время выпускали три учебных заведения (ЭКО ФОНа, экономический факультет политехнического института, Институт народного хозяйства им Ф. Энгельса. — Д.М.). Не всем из них хозяйство Ленинграда ... могло предоставить работу. Поэтому в 1925 г. было принято решение о закрытии экономического отделения Ленинградского университета. Приема на первый курс не было. Студенты второго и третьего курсов были переведены частью в Институт народного хозяйства, а частью в Политехнический институт на соответствующие курсы»¹⁷. Однако эта причина еще не объясняет закрытия именно ЭКО. Другой автор указывает на то, что важным фактором стал недостаток в университете «подготовленных марксистских кадров»¹⁸. Иными словами, университет

16. Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР. М.: Би., 1979. С. 31–32.

17. Буковецкий А.И. Указ. соч. С. 58.

18. Шариков К.Г. Университет на подъеме // На штурм науки. Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1971. С. 36.

рассматривался как наименее «благонадежный» в идеологическом плане. «Но главная причина, видимо, таилась в господствовавшей тогда в Главпрофобре и ГУСе тенденции сосредоточивать все внимание вузов на подготовке кадров узкопрактического профиля для народного хозяйства и государственного аппарата и в недооценке значения подготовки теоретических кадров».¹⁹ Указанные причины не являются взаимоисключающими. Проблема диспропорций между объемами подготовки специалистов и потребностью в них должна была все более обостряться по мере роста численности студентов. Такие диспропорции особенно чувствительны в условиях государственного финансирования высшего образования и острой нехватки средств. Однако эффективные механизмы ликвидации таких диспропорций и их предотвращения *одновременно* со значительным расширением системы высшего образования стали создаваться лишь в 30-е гг. В предшествующее же десятилетия оптимизация шла в том числе и по пути «сжимания» за счет «ненужных» специальностей, «уплотнения» вузов. Теоретические дисциплины на время оказались в загоне, как малосущественные для задач социалистического строительства. Среди них положение политической экономии осложнялось ее неопределенным статусом: как известно, в 1920-е гг., как и позже, было широко распространено представление об «отмирании» политической экономии при переходе от капитализма к социализму. Таким образом задачи экономической науки сводились к анализу и критике капитализма и докапиталистических формаций. Усугубляло положение теоретических общественных дисциплин стремление, в духе позитивистских установок конца XIX в., свести их преподавание к единому предмету — «обществоведению», чего добивался, например, историк М.Н. Покровский, игравший весьма заметную роль в управлении образованием в 20-е гг., или же, несколько позже, к «основам марксизма-ленинизма». В течение всех 20-х и первой половины 30-х гг. место политической экономии социализма как науки и учебной дисциплины в высшей школе занимали «Теория советского хозяйства» и «Экономическая политика СССР». Результатом, особенно очевидным в Ленинграде после расформирования ФОНа, стало «распыление» экономико-

19. Там же.

теоретических дисциплин, организационное рассредоточение специалистов в этой области. После расформирования ФОНа «существовавшая в университете кафедра политэкономии все более и более сходилась на положение чисто учебной организации, своего рода предметной комиссии. Кафедра же статистики и вовсе исчезла из состава университетских кафедр».²⁰ Положение было еще более усугублено структурными преобразованиями начала 30-х гг., коснувшимися других учебных заведений города.

Форсированная индустриализация, начавшаяся со второй половины 20-х гг., не могла не сказаться на путях реорганизации учебного процесса и всей системы науки и высшей школы в целом. В 1926 г. И.В. Сталин подчеркивал в своей речи перед партактивом Ленинграда: «Для того чтобы провести директиву партии об индустриализации нашей страны, необходимо, кроме всего прочего, создать кадры новых людей, кадры новых строителей индустрии [...] Нам нужны теперь новые командные кадры по индустрии, хорошие директора фабрик и заводов, хорошие трестовики, дельные торговцы, разумные планировщики по строительству промышленности».²¹ За период 1918–1928 гг. советской высшей школой было подготовлено 34 000 молодых специалистов. А только в 1929 г. вузы и втузы (за исключением педагогических и медицинских) должны были окончить 22 710 чел. (из них по социально-экономическим дисциплинам — 3 065 чел.) В это же время количество затребованных специалистов по стране составляло 33 852 чел.²² Для установления непосредственной связи образования и производства, а также для решения проблемы финансовой обеспеченности вузов июльский (1928 г.) пленум ЦК ВКП (б) положил начало «отраслевой децентрализации» в руководстве высшей школой: в непосредственное ведение ВСНХ (преобразованного в 1932 г. в наркомат тяжелой промышленности) были переданы 6 вузов. Далее последовал еще ряд партийных и правительственных решений, в результате которых к 1932 г. из ведения наркомата просвещения были изъяты все вузы (втузы) за исключением университетов, педагогических и гуманитарных.

20. Ленинградский университет за советские годы (1917–1947). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1948. С. 283.

21. Сталин И.В. Сочинения. Т. 8. М.: ОГИЗ: Гос. изд-во полит. литературы, 1948. С. 138–139.

22. Государственное руководство высшей школой... С. 39–40.

Важным рубежом в реорганизации системы высшей школы стал 1930 г., когда было принято несколько важных законодательных актов. Отметим, в частности, постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 18 августа «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов». В принятых законодательных актах предусматривалось не только переподчинение большей части вузов профильным наркоматам, но и формирование системы распределения подготовленных кадров, вводился обязательный трехгодичный срок, который должны были отработать молодые специалисты по месту распределения. Началось широкое распространение заочного обучения. Одновременно с этим продолжался курс на пролетаризацию высшей школы — при всех втузах функционировали рабфаки с функциями подготовительных курсов. Как и другие отрасли народного хозяйства страны, высшее образование сделало значительный количественный рывок вперед. В 1926/27 учеб. г. в стране насчитывалось 129 вузов, в которых обучалось почти 160 тыс. чел. В 1929/30 учеб. г. число вузов выросло до 152, а количество учащихся превысило 190 тыс. чел. Но уже в следующем учебном году эти значения составляли — 579 вузов и 288 тыс. чел. В 1932/33 учеб. г. в 832 учебных заведениях обучалось свыше полумиллиона студентов.²³

Однако качественная сторона процесса не всегда соответствовала количественным успехам. Волна масштабной реорганизации часто порождала неразбериху. «Отраслевая децентрализация» подразумевала и отход от многопрофильности в обучении, дробление крупных вузов. Очевидно, что в 30-е гг. преобладающим было развитие технико-экономических, прикладных направлений экономической науки. Планируемое перепрофилирование вузов в своеобразные «учебные комбинаты» подтверждалось переименованиями привычных должностей: ректоры вузов стали именоваться директорами (это нововведение не прижилось и было отменено к 1940 г.) В практику работы вузов и исследовательских институтов пытались ввести планирование научно-исследовательской работы, выполнение договорных работ для предприятий и организаций.

В пылу энтузиазма, связанного с выполнением первой пятилетки, апогея достигли тенденции к интенсификации учеб-

23. Там же. С. 45.

ного процесса за счет «прогрессивных» форм и методов обучения. В 1930–1932 гг. они стали повсеместно внедряться на основе решений из центра, находивших горячую поддержку на местах. В ЛГУ «...с 1931 г. мероприятия по внедрению бригадно-лабораторного метода обучения»²⁴ начали составлять угрозу для нормальной и эффективной учебной работы. Специально созданное методическое бюро (с методическим кабинетом при нем) заседало, проектировало, без конца усложняло вопросы преподавания, выдвигая все новые требования и составляя длиннейшие инструкции по проведению занятий, по “качественному учету”, “по количественному учету” и т.п.»²⁵ Странники радикальных преобразований объявили, как было сказано в приказе тогдашнего директора ЛГУ Ю. Никича, старый университет «феодалным и метафизическим».²⁶ В пылу преобразований факультеты были заменены «секторами», «циклами», «уклонами». При перетасовке и «оптимизации» специальностей возникали весьма любопытные комбинации: например, несколько ранее, еще при сохранении традиционной факультетской структуры, на математическом отделении физико-математического факультета была введена финансово-банковская специализация.²⁷ По постановлению коллегии наркомата просвещения, в 1931 г. были закрыты все кафедры, кроме социально-экономических.²⁸ Ставился вопрос о полном отходе от проведения лекционных занятий.

24. «Бригадно-лабораторный» метод обучения стал развиваться и распространяться с начала 1920-х гг. под влиянием, во-первых, так называемого «Дальтонского плана» — системы обучения в школах, разрабатываемой с начала XX в. американской учительницей Е. Паркхерст, и, во-вторых, метода проектов, возникшего также в США во второй половине XIX в. и известного в России еще до революции. Дальнейшее обоснование метода проектов получил в трудах известного американского философа, психолога и сторонника образовательной реформы Дж. Дьюи (его дочь Эвелина выступала активным сторонником Дальтонского плана) и его последователей, в частности У. Килпатрика. Деятельное участие в распространении бригадно-лабораторного метода в школах Советской России принимала Н.К. Крупская. В послереволюционный период был переведен и издан ряд работ сторонников новых образовательных методов, например: *Дьюи Д., Дьюи Э. Школы будущего.* М., 1922; *Дьюи Э. Дальтонский лабораторный план.* С предисловием Н.К. Крупской. М., 1923; *Паркхерст Е. Образование и обучение по Дальтонскому плану.* М., 1924; *Килпатрик В.Х. Метод проектов. Применение целевой установки в педагогическом процессе.* Л., 1925; *Он же. Основы метода.* (Сжатый пер. с англ.) М.—Л., 1928; *Он же. Воспитание в условиях меняющейся цивилизации.* М., 1930.

25. Ленинградский университет за советские годы. С. 26.

26. Там же.

27. История Ленинградского университета. Очерки. Л., 1969. С. 334.

28. Там же.

Оценить сегодня происходившие тогда процессы трудно. Несомненно, однако, что они привели к существенной дезорганизации работы высшей школы. Свернули их также резко, как и проводили. Постановлением ЦК ВКП (б) от 25 августа 1932 г. практика применения бригадно-лабораторного метода в качестве универсального была осуждена. Постановлением ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» от 19 сентября 1932 г. была восстановлена традиционная структура с факультетами, отделениями и кафедрами, уточнены специальности, подтвержден отход от бригадно-лабораторного метода и ряда других нововведений. Разворачивавшиеся ранее в высшей школе процессы были объявлены результатом «левацкого уклона».

Быстро выяснилось, что «отраслевая децентрализация» вузов породила существенные трудности в управлении системой высшего образования, привела, в частности, к дублированию и дроблению специальностей. Для координации деятельности отраслевых учебных заведений тем же постановлением ЦИК от 19 сентября 1932 г. создается Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию (ВКВТО). Летом 1933 г. «в целях установления порядка присвоения ученых степеней и званий в высших технических учебных заведениях, установления порядка зачисления на должности заведующих кафедрами и преподавателей, утверждения в звании профессора и осуществления общего контроля в отношении званий доцента и ассистента» при Президиуме ВКВТО создается Высшая аттестационная комиссия (ВАК), ее первым председателем становится Г.М. Кржижановский.²⁹ В 1936 г. вместо ВКВТО создается Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ), в ведение которого с 1936 по 1938 гг. передаются все вузы страны вне зависимости от их ведомственной принадлежности.³⁰ В том же году, 23 июня, принимается совместное постановление СНК и ЦК ВКП (б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой». Заложенные в нем принципы и механизмы организации учебного процесса во многом остаются определяющими и сегодня. В то же время в постановлении обращалось внимание и на научную деятельность преподавателей. В нем осуждались «распро-

29. Государственное руководство высшей школой... С. 53.

30. Там же. С. 63.

страненные среди известной части работников наркоматов и учебных заведений взгляды, что кафедры высших учебных заведений не должны заниматься научно-исследовательской работой, а ограничиваться только учебно-педагогической деятельностью». Заведующим кафедрами предлагалось установить индивидуальные планы НИР для каждого сотрудника кафедры.³¹

Завершившаяся в общих чертах «утряска» системы управления высшей школой позволила обратить внимание на состояние в области преподавания теоретических общественных дисциплин, в частности, политической экономии. В ходе «оптимизации» структуры высшей школы она совершенно выпала из поля зрения, а применявшийся принцип отраслевой дифференциации в преподавании общественно-политических дисциплин привел к их сокращению по ряду специальностей до минимума. По существу не велась (в Ленинграде — после закрытия ЭКО ФОНа) подготовка преподавателей экономических дисциплин, прежде всего теоретических. В последствиях излишне «технократического» подхода к теоретическим дисциплинам (вполне понятного в условиях курса на ускоренную индустриализацию и расширения «контингента учащихся») был усмотрен опасный идеологический «уклон» с последующим выявлением ответственных за него «врагов народа» из числа руководителей высшего образования.

Но последовали и меры организационного характера. ВКВШ развернул деятельность по разработке единых учебных планов, в том числе и по общественным дисциплинам, началась работа по обеспечению курсов учебниками и учебными пособиями (в том числе — и учебником политической экономии, работа над которым, как известно, затянулась почти на два десятилетия: в 1951 г. состоялась известная дискуссия по его макету, проходившая под пристальным вниманием И.В. Сталина, сам же учебник вышел лишь в 1954 г.) Постановлением ВКВШ от 8 февраля 1938 г. «Об установлении с 1938/39 учеб. г. сетки часов на преподавание курсов политической экономии, диалектического и исторического материализма» было введено единое количество часов на преподавание политической экономии вне зависимости от специальности.

31. См.: Высшая школа. Сборник основных постановлений, приказов и инструкций. Ч. 1. М.: Высшая школа, 1978. С. 14–18.

Изменение отношения к преподаванию политической экономии выразилось в организационном оформлении изучения и преподавания теоретико-экономических дисциплин. В 1939 г. на базе исторического факультета ЛГУ открывается политико-экономическое отделение. В «1939/40 уч. г. из одной группы студентов IV курса отделение развернулось в составную часть университета с кадрами слушателей на трех курсах».³² 3 июля 1940 г. вышел приказ ВКВШ № 535 об открытии с 1 сентября 1940 г. политико-экономического факультета ЛГУ.³³ Факультет функционировал в составе двух кафедр: политической экономии (заведующий – проф. А.А. Вознесенский), конкретных экономик (заведующий – проф. Я.С. Розенфельд). В число преподавателей входили А.И. Буковецкий, В.В. Степанов, Я.С. Розенфельд, В.М. Штейн, В.В. Рейхардт, М.Ю. Бортник, С.Д. Зак. Большинство из них начали свою научную и преподавательскую деятельность еще в предреволюционный период, затем преподавали в том числе и на экономическом отделении ФОН.

В 1949/50 учеб. г. факультет переименовывается из политико-экономического в экономический. Согласно единственному обнаруженному в литературе объяснению, это переименование «больше соответствовало профилю представленных на нем специалистов, так как кроме политэкономов здесь давно уже готовили статистиков и историков народного хозяйства».³⁴ Однако это объяснение вряд ли можно считать убедительным, так как произошло переименование уже в разгар «Ленинградского дела», и его мотивация могла быть совершенно иной. Вполне возможно, оно должно было символически провести черту между «старым» и «новым». Хотя, как следует из бесед с некоторыми очевидцами событий, их внимание это переименование не привлекло, не исключено, что оно просто зафиксировало сложившееся наименование.

В предшествующем началу войны 1940/41 учеб. г. на политико-экономическом факультете ЛГУ обучалось около 200 студентов и 15 аспирантов.³⁵ В другом центре экономическое об-

32. Ленинградский университет за советские годы. С. 286.

33. ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 14, д. 582, л. 32.

34. История преподавания и развития статистики в Петербургском – Ленинградском университете (1819–1971). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1972. С. 98.

35. Ленинградский университет за советские годы. С. 286.

разования, Ленинградском финансово-экономическом институте, в 1939/40 учеб. г. обучалось 1 082 студента (с 1930 г. это число увеличилось почти вдвое). Всего за 1930–1939 гг. было выпущено 2 114 специалистов. Их подготовку обеспечивал профессорско-преподавательский состав, включавший: 1 академика, 17 профессоров (из них 4 – со степенью доктора наук), 33 доцента (из них 24 – со степенью кандидата наук).³⁶ Эти данные свидетельствуют и о том, что, несмотря на регулирующие положения, принятые в 1930-е гг., наличие ученой степени еще не стало определяющим фактором для занятия должностей доцента и профессора и получения соответствующих званий. Но можно выделить тенденцию к выравниванию численности между обладателями степеней и званий: уже в следующем учебном году в ЛФЭИ на 18 профессоров приходилось 11 докторов наук, на 40 доцентов – 33 кандидата.³⁷ Тем не менее, в этот период присуждение ученой степени еще рассматривалось, очевидно, как своего рода «довесок» к званиям доцента и профессора, присвоение которых продолжало зависеть в большей степени от совокупности научно-педагогических заслуг и занимаемой должности. Вероятно, такое положение стало рассматриваться как препятствие к регулированию и планированию в области численности работников высшего образования. Отчасти это подтверждается и на примере В.В. Рейхардта. Защитив в годы войны, в эвакуации, диссертацию на соискание степени доктора экономических наук на своем факультете, он не завершил формального документооборота по этому поводу в Москве. Тем не менее, вплоть до начала разгрома факультета он числился доктором наук. «Выявленный» факт стал одним из пунктов обвинения против него. Но курс на ужесточение правил присуждения степеней обозначился еще до начала «ленинградского дела». Уже вскоре после окончания Великой Отечественной войны, в 1946 г., было принято очередное нововведение, согласно которому двухступенчатая классификация ученых званий (доцент – профессор) приводилась в соответствие с двухступенчатой системой ученых степеней (кандидат наук – доктор наук). От наличия степени стала в большей степени зависеть и заработная

36. Ленинградский финансово-экономический институт. Краткие сведения. Л., 1940. С. 4.

37. Ленинградский финансово-экономический институт. Краткие сведения. Л., 1941. С. 5.

плата.³⁸ Но еще на конец 1940-х гг. во всем СССР насчитывалось лишь около 100 докторов экономических наук (более половины из них работали в Москве и Ленинграде), а в год происходило по три—четыре защиты докторских диссертаций.³⁹

38. См.: Дзарасов С.С., Меньшиков С.М., Попов Г.Х. Судьба политической экономики и ее советского классика. М: Альпина Бизнес Букс, 2004. С. 134 – 135.

39. Там же. С. 142.

«Ленинградское дело»

Первым признаком «похолодания» общественно-политического климата стало постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г. Оно было «предостережением для всех гуманитариев, хотя далеко не все и не сразу это поняли».⁴⁰ С пониманием пришло и изменение языка научных дискуссий. Всего через два года, при обсуждении на политико-экономическом факультете ЛГУ тезисов доклада «Вопросы хозрасчета в трудах И.В. Сталина», один из критиков будет говорить автору: «Весь доклад очень академичен, отсутствует политическая острота. Что значит «тов. Сталин «отмечал»? ... Тов. Сталин не «отмечал», а указывал...», вынуждая того оправдываться: «Можно привести бесчисленное количество примеров, где тов. Сталин говорит: «В.И. Ленин отмечал». Это принятое выражение».

Однако «похолодание» для экономистов из ЛГУ стало особенно резким. После возвращения из эвакуации, вплоть до 1948 г., «университет в целом и гуманитарные его факультеты особенно были в несколько привилегированном положении...»⁴¹. Огромную роль в этом играл вплоть до июня 1948 г. ректор А.А. Вознесенский. «Персона нон грата, но брата», – в шутку отзывался о нем акад. Е.В. Тарле, намекая на брата ректора, председателя Госплана СССР, заместителя председателя СНК СССР Н.А. Вознесенского. Очевидно, связи на высшем уровне могли играть важную роль, но не подлежит сомнению организационный талант и способности А.А. Вознесенского.

В 1945 г., вскоре после возвращения из эвакуации, на факультете было открыто отделение статистики и осуществлен первый прием на него. Несколько позднее по отделению «статистика» предусматривалось уже две специализации: «теоретическая ста-

40. Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. СПб: Нестор, 2004. С. 51.

41. Там же. С. 46.

стика» и «экономическая статистика»⁴². В 1947 г. при ЛГУ был создан Научно-исследовательский институт экономики, философии и права. Его директором стал профессор философского факультета (бывший ранее деканом факультета общественных наук Петроградского университета) М.В. Серебряков. Первоначально его работа шла размеренно и академично. Первым научным мероприятием отделения экономики НИИ в сентябре 1947 г. стала сессия, посвященная 50-летию первой Всероссийской переписи населения 1897 г.

В университете тем временем сложилось неустойчивое равновесие между «новыми» и «старыми» людьми. Нарушено оно было с уходом А.А. Вознесенского. С июня 1948 г. он стал министром народного просвещения РСФСР. Тогда же, в июне 1948 г., в НИИ экономики, философии и права состоялось знаковое событие, ставшее предвестником будущих процессов. Свыше 200 преподавателей, научных работников, аспирантов ЛГУ и других вузов города участвовали в разгромном обсуждении книги В.М. Штейна «Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков», удостоенной совсем незадолго до этого университетской премии. Тогда, однако, никаких «оргвыводов» в отношении самого автора и выступавшего при подготовке книги к печати ответственного редактора В.В. Рейхардта не последовало. Мероприятие, в общем, по своему характеру и последствиям не выходило за рамки других событий подобного рода, хотя критикуемый и не продемонстрировал должного уровня признания «товарищеской критики», явно пытаясь выдвигать аргументы научного порядка. Универсанты разошлись в отпуски.

В августе 1948 г. умер А.А. Жданов. Вскоре отголоски политической борьбы, развернувшейся в высшем руководстве против курируемых покойным «ленинградцев», дошли и до Ленинграда. Уже в сентябре 1948 г. В.В. Рейхардт вынуждено оставляет пост декана, а через пару месяцев оставляет работу в ЛГУ и пытается укрыться в другом вузе, но безуспешно. Некоторым такой маневр удался: машина арестов работала, как и вся плановая экономика, на валовые показатели, отдельным личностям ее жерновов иногда

42. ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 14, д. 1601, л. 97.

удавалось в прямом смысле слова избежать. Но правая рука брата Н.А. Вознесенского и декан факультета, оказавшегося в эпицентре урагана, шел, очевидно, в поименном списке. «Допросов» он не пережил.

Пост декана занял С.А. Ильин. Он недвусмысленно указывал: «Партийная организация факультета, начиная с октября 1946 г. (именно тогда Ильин стал секретарем партбюро факультета. — Д.М.), вела непрерывную работу за коренную перестройку научной и учебной работы факультета, за разоблачение и изгнание с факультета чуждых элементов»⁴³. С этой целью ректорат, Василеостровский районный комитет, Ленинградский городской комитет партии «неоднократно информировались о положении дел на факультете», но произвести его «полное очищение» при поддержке вышестоящих партийных организаций удалось лишь после «разоблачения антипартийной группировки Попкова и др.»⁴⁴, т.е. после января 1949 г., начала арестов высокопоставленных фигурантов «ленинградского дела», когда и развернулась настоящая «охота на ведьм» — и в ЛГУ, и во всем городе.

Несомненно, что после старта кампании ее двигателем, как на уровне вузов и факультетов, так и в высших структурах управления, стала «логика борьбы за власть». «Находились люди, которые в это время преследовали чисто личные интересы, проявляли худшие черты своего характера».⁴⁵ Влияние данного фактора нельзя не учитывать: в специфических условиях сложившейся к тому времени общественно-политической системы отдельные ученые и целые их группы нередко пытались привлечь вышестоящие партийные инстанции в качества «арбитра» для решения внутренних конфликтов и противоречий. Поэтому любой «сигнал сверху» чутко улавливался на местах, давая повод к сведению личных и профессиональных счетов и к очередному витку борьбы за власть и влияние в иерархических научно-образовательных структурах, проводившемуся под прикрытием идеологических лозунгов.⁴⁶ Очевидно, в част-

43. ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 14, д. 1614, л. 2.

44. Там же.

45. Бережной А.Ф. В первые послевоенные годы: 1946–1954. К истории Ленинградского — Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. С. 36.

46. См., например: Кожевников А.Б. Указ. соч.

ности, что организаторам «дела» удалось использовать и обострить существовавшее разделение между преподавателями и студентами, пережившими вместе эвакуацию, связанными между собой практически родственными чувствами⁴⁷, и теми, кто пришел в университет уже после войны, имея свое видение и свою «правду». Как вспоминал позднее один из «новых» людей: «Вернулись на факультет дипломированные выпускники, а все преподавательские места заняты». Гласно и негласно ставились вопросы: «Где нам работать? Пора гнать этих буржуазных профессоров».⁴⁸

В результате, в 1950-е гг. экономический факультет вступил имея на трех кафедрах всего семь доцентов и ни одного профессора⁴⁹ (незадолго до этого, в 1947/48 учеб. г., на факультете обучалось 347 чел.⁵⁰) Для обеспечения учебного процесса пришлось широко привлекать совместителей и почасовиков, квалификация которых не всегда была соответствующей. Эта мера была тем более шизофренической, что шла вразрез с кампанией против совместительства. Так, в 1949/50 учеб. г. проф. А.И. Ротштейн был уволен с кафедры статистики именно «в силу запрещения совместительств».⁵¹

Кафедра статистики первоначально казалась тихой гаванью. Ни на уровне теории, ни на уровне личных отношений она не была тесно связана с двумя «старыми» кафедрами. Разворачивающиеся с лета 1948 г. события первоначально не затронули ее. Она продолжала работать весь следующий учебный год практически в прежнем составе. Однако изолированной от общей ситуации оставаться не могла и она. В октябре 1948 г. состоялось расширенное заседание кафедры, посвященное пересмотру программ курсов теоретической статистики «в связи с постановлением сессии ВАСХНИЛ о положении в биологической науке». В декабре 1948 г. на заседании кафедры было заслушано сообщение заведующего Л.В. Некраша, в котором говорилось об имеющихся недостатках в работе кафедры, отмеченных на уровне университета и факультета,

47. См., например: Эльяшова Л.Л. «Папа» Вознесенский // Нева. 1998. № 10.

48. «Ленинградское дело». Л.: Лениздат, 1990. С. 394.

49. См.: Пешехонов В.А. Alma mater: страницы истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1998. Серия 5. Вып. 3.

50. Ленинградский университет за советские годы. С. 288.

51. История преподавания и развития статистики... С. 98.

в частности о «неосуществлении проф. Некрашем посещения занятий преподавателей кафедры»⁵². Просчет был тем более серьезным, что на кафедре политической экономии посещением лекторами семинарских занятий, взаимопосещением, контрольным посещением лекций деканом и его заместителем к тому времени было «охвачено» 38 человек (по существу, весь состав кафедры), а обсуждение стенограмм занятий позволило выявить, например, «немарксистский характер лекций Буковецкого»⁵³. Следующие заседания были посвящены рутинным вопросам, но одно из них, июньское, стало последним для заведующего. Как и В.В. Рейхардт, он вскоре погиб в застенках.

В ходе разгрома декан Ильин выдвинул предложение об отказе от «открытого приема» вчерашних выпускников школ и о переходе на полностью «закрытый прием», с отбором на основе анкетных данных и рекомендаций партийных организаций «с последующим утверждением лиц, зачисленных на факультет, на бюро ГК ВКП(б)»⁵⁴.

«Охота на ведьм» затронула все научно-образовательные центры и продлилась несколько лет, сопровождаясь периодически рецидивами, такими как, например, разгон и закрытие в апреле 1953 г. Ленинградского отделения Института истории АН СССР.⁵⁵ С июня 1950 г. по июнь 1952 г. были изгнаны с работы 18 ректоров и 29 заведующих кафедрами социально-экономических дисциплин. Только из ЛГУ было уволено около 300 человек.⁵⁶ Последствия не замедлили сказаться не только в области научно-исследовательской и преподавательской работы, они отразились и на поведении студенчества. К 1954 г. «в вузах города создалось просто тревожное положение — не только ослабление дисциплины, а распространение пьянства с драками и т.п.»⁵⁷ Преодолеть все эти последствия удалось не сразу. Лишь во время «оттепели», на рубеже 1950-х — 60-х гг., экономические исследования вновь оживают.

52. ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 14, д. 1493, л. 3.

53. ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 21, д. 58, л. 3.

54. ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 14, д. 1614, л. 8.

55. Панях В.М. Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 г. // Вопросы истории. 1993. № 10.

56. «Ленинградское дело». С. 120.

57. Бережной А.Ф. Указ. соч. С. 82.

Пример экономической науки Ленинграда показывает, что усилия по пролетаризации высшей школой, предпринимаемые с первых месяцев советской власти, не увенчались успехом в области подготовки научно-преподавательских кадров. В их среде вплоть до конца 40-х гг. преобладали либо специалисты еще дореволюционной формации той или иной степени близости господствующей идеологии, либо подготовленные ими же советские исследователи. Образованные же после революции «пролетарские институции», созданные для подготовки новых управленческих и научных кадров (прежде всего, Коммунистический университет, Коммунистический университет национальных меньшинств Запада, где обучение велось по финскому и эстонскому отделениям, Ленинградское отделение Института красной профессуры), так и не смогли приобрести сколько-нибудь значимой роли, подобной, например, Институту красной профессуры в Москве — как в силу их удаленности от столицы, так и по причине того, что со времени падения Г.Е. Зиновьева Ленинград и его партийная организация стали местом для периодических «чисток» и обкатки механизма репрессий.

Это, несомненно, порождало противоречия и трения, как на уровне отношений с центром, так и внутри самих вузов — в частности, между партийными организациями и традиционной вузовской структурой управления. Однако, вплоть до конца 40-х гг. эти противоречия удавалось сгладить. Они проявились в полной мере лишь в условиях начавшихся вскоре после окончания войны идеологических кампаний, непосредственно затронувших в том числе и экономическую науку.

Советская политэкономия: рождение дискурса

Одним из важных достижений «постмодернистских» методологических исследований последних десятилетий является обоснование важности языка науки и связанное с этим понимание текстов экономистов, в том числе и как литературных произведений.⁵⁸ С этой точки зрения, один из провалов «модернистского» понимания науки, пришедшего с «картезианской революцией»⁵⁹, заключается в разделении логики и риторики, с исключительной опорой на первую и некритическим отношением к последней.

Советская политэкономия представляется весьма интересным объектом изучения именно в рамках «постмодернистской» методологии. Перечисление «источников и составных частей» в официальной генеалогии позволяет рассматривать ее как одно из ответвлений «древа» Модерна. При этом на формальном и неформальном уровне советскую политэкономия (в особенности ее декларируемое теоретико-методологическое ядро — политэкономия социализма) отличало серьезное отношение к языку. Этот язык плохо понятен вне специфического контекста и практически непереволим. Но именно формирование особого языка и соответствующей ему «грамматики» — правил дискурса — может считаться основным достижением советской политэкономии. Ее язык не стал мертвым вместе с ее фактическим исчезновением. Он, пусть и с трансформациями, продолжает структурировать «упорядоченный разговор» немалой части профессионального сообщества экономистов на постсоветском пространстве — во многом подобно тому, как «вульгаризованная» латынь долгое время структурировала общение людей, живущих на обломках Римской империи.

Политэкономия социализма, нередко сравниваемая со схоластикой, по сути, представляла некоторым образом упорядо-

58. См., например: Макклоски Д. Риторика экономической теории // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М: Изд. дом ВШЭ, 2011.

59. Там же. С. 255–256.

ченный и ведущийся в рамках острой конкуренции за влияние и положение в академической иерархии поиск и толкование «универсалий» — «исходных категорий» и «основного закона» социалистической экономики. Но для самих схоластов — богословов средних веков — спор об универсалиях или общих понятиях (восходивший к классификации понятий Аристотеля) являлся скорее одной из отправных точек. Базовые объекты реальности были даны в учении церкви, проблема заключалась в обосновании онтологического статуса отображающих их понятий. Как известно, в ранней схоластике споры по этому поводу велись между представителями реализма и номинализма, и одной из линий демаркации между ними выступал ответ на вопрос о том, предшествует ли то общее, что выражают понятия, вещам или же, напротив, понятия возможны только как обобщение вещей, «после них». Жесткое противопоставление двух крайних позиций привело к попыткам смягчить их — как в умеренном реализме Фомы Аквинского, так и в концептуализме, отрицающем реальность понятий в мире вещей, но признающем их самостоятельное существование в сознании людей. Концептуализм, таким образом, предвосхищал позднейшей инструментальный подход к понятиям как к полезным абстракциям. Но сам по себе спор между реалистами и номиналистами уже к XIV в. угас.

Возрождение интереса к проблеме понятий произошло лишь в немецкой классической философии. И здесь, с точки зрения предмета данной работы, наибольший интерес представляет подход Гегеля, утверждающий тождество бытия и мышления, достигаемое в процессе саморазвития абсолютной идеи. «Исторический идеализм» задал новые рамки для рассмотрения связи вещей и понятий. В этих рамках между вещью и понятием о вещи возник познающий субъект. Сама связь, однако, оставалась «идеальной». В марксизме, напротив, она стала «реальной», приведя к «материализации» абстракций, которым надлежало отражать объективную реальность в ее развитии.

Маркс, опираясь не только на философов-материалистов, но и на элементы позитивизма, восходящего к Сен-Симону и «утопическому социализму», «позитивизировал» диалектику Гегеля. Соединение в базовой картине мира как истории общества, так и истории мышления, движимых общими диалектическими закона-

ми на основе «материальных факторов», было впечатляющим и завораживающим. Но оно же вызывало и проблемы: постулируемая связь изменения «форм общественного сознания» и движения «общественного бытия» неизбежно порождала идеи о жесткой детерминированности представлений о мире в сознании людей внешними материальными условиями. Эти идеи многие марксисты отрицали как проявления «вульгарного социологизма», стремясь найти место в марксистской системе для проявлений свободы воли, относительной самодостаточности искусства и пр. Однако такие попытки в общем вступали в противоречие с исходными онтологическими предпосылками, нарушая стройность первоначальной системы или выводя самих авторов за пределы марксизма (что можно проследить на примере интеллектуальных биографий ряда представителей немецкой социал-демократии или российского «легального марксизма» рубежа XIX – XX вв.). Трения, постоянно возникавшие на уровне логики марксистской теории и приводившие к конфликту ее интерпретаций, существенно повышали требования к риторике, призванной продемонстрировать незыблемость «ортодоксии» перед вызовами со стороны многочисленных «ревизионистов».

В фундамент марксистского материализма была изначально заложена онтологическая проблема – сложность демаркации бытия и учения о бытии. В полной мере эта проблема проявилась в проекте по созданию советской экономической науки. Общая схема, дающая цельную картину мира, оказалась крайне неудобной при попытке применить ее для теоретического обобщения конкретного опыта строительства хозяйственного механизма, не давая возможности разграничить вещи и понятия, но давая при этом возможность использовать ссылку на «диалектику» как риторический аргумент максимально широкого спектра действия. Реальность, данная в марксистском учении и закрепленная цитатами вождей и решениями съездов, не совпадала с реальностью, данной в «ощущениях». Конструирование понятий одновременно означало «создание» вещей; акт наименования (например, «основного закона социализма») приобретал поистине сакральный смысл.

Помимо идеологического давления неразрешенная (и вряд ли до конца осознанная) методологическая проблема онтологического статуса понятий препятствовала критическому анализу совет-

ской экономики советскими экономистами. Однако она же способствовала закреплению «риторики подавления» советской политэкономии — риторики, коренившейся в самом марксизме и нашедшей благодатную почву в традициях дореволюционной радикальной интеллигенции. В наиболее явном виде это проявилось на рубеже 20-х—30-х гг., в процессе насильственного свертывания теоретических дискуссий первого послереволюционного десятилетия и борьбы с «уклонами». Так, в серии статей, намечающих основные проблемы, которые надлежало решить в рамках политэкономии социализма, Н.А. Вознесенский подвергал критике «философию созерцания», приводя для примера следующее высказывание низвергнутого к тому времени с позиций одного из лидеров советской философии А.М. Деборина: «Диалектический... метод имеет своей задачей не вносить ничего от себя в предмет, а следовать за ним, наблюдать за ходом развития самого предмета. ... Диалектический метод только воспроизводит ход развития предмета». ⁶⁰ По мнению Вознесенского, такой подход игнорировал активную роль сознания: «Составив картину мира, мы его изменяем и переделываем. «Диалектика» Деборина оказывается теоретическим оправданием оппортунистического самотека». ⁶¹ Примерно в это же время его брат А.А. Вознесенский, подвергая критике «идеализм» И.И. Рубина, писал о том, что исследования «идеалистов» имеют дело «не с действительностью, не с реальными производительными силами и производственными отношениями, а с понятиями таковых. В конце концов, именно понятия являются для рубинцев истинной реальностью». ⁶² Напротив, «метод сам объективен; он отражает... действительность, т.е. основные черты, которые ей внутренне присущи. Только в силу этого метод и может быть орудием познания». ⁶³ Однако такой подход превращал научный анализ из средства изучения действительности в ее элемент, лишая возможности критически рассматривать применяемую методологию. В связи с этим представляется вполне закономерным отождествление предмета и объекта анализа: «Пред-

60. Цит. по: *Вознесенский Н.А. К вопросу об экономике социализма // Вознесенский Н.А. Избранные произведения. 1937–1947. М.: Политиздат, 1979. С. 79.*

61. Там же.

62. *Политическая экономия. Учебник для комвузов и вузов / Под ред. Б.Д. Кофмана. 3-е изд., перераб. Ч. I. М.; Л.: Партиздат, 1932. С. 36.*

63. Там же. С. 16.

мету каждой особой науки должен соответствовать определенный метод. Метод науки внутренне присущ ее объекту».⁶⁴

Фактический отказ от фильтра между исследователем и исследуемым, отождествление действительности и абстрактного отображения действительности открывали дорогу произвольным толкованиям и «объективизации субъективного» — специфическому для советской экономической науки процессу выведения закономерностей, состоящему «в придании конкретным формам организации хозяйственного процесса несвойственных им черт, возведение их в ранг экономических законов».⁶⁵ При этом, с учетом особенностей дискурса, эти высказывания претендовали на авторитетность, на исключение и подавление всех конкурирующих подходов. На уровне официальной риторики задачей текста было утверждение догматики и борьба с «уклонами». Это было крайне опасным занятием, ибо, вольно или невольно, отдельный экономист становился в своих текстах в положение «верховного оракула», превращая теоретических (или просто стилистических) оппонентов во врагов и рискуя быть свергнутым с пьедестала при малейшем колебании «генеральной линии». Но заложенная в качестве онтологической предпосылки идея о диалектическом синтезе абстрактного и конкретного, минуя цензуру и самоцензуру, «саморазвертывалась» в текстах экономистов. Именно она, как представляется, проявлялась в отмеченной на примере одной из дискуссий тенденции к отождествлению сущности и явления, характерной для советской экономической литературы.⁶⁶

В 1920-е гг. задача отображения новой действительности в значительной степени облегчалась использованием понятий-метафор, опирающихся на феномены из «прошлого», например, такой как «государственный капитализм». Впрочем, эти метафоры часто приводили и к острейшим дискуссиям, как в случае с использованным Е.А. Преображенским понятием «первоначального социалистического накопления». Тем не менее само признание характера экономики как переходной давало возможность обойтись

64. Там же.

65. Мау В.А. В поисках плановости: из истории развития советской экономической мысли конца 30-х — начала 60-х годов. М: Наука, 1990. С. 21.

66. Там же. С. 23.

без завершенных теоретических схем, а «диалектическая» риторика открывала широкое пространство для рационализации действительности. В 1930-е гг. уцелевшие экономисты, вполне осознав опасность профессии, выбрали тактику молчания. В 1940-е гг. был взят курс на институционализацию экономической науки, а положение на «теоретическом фронте» было признано нетерпимым. Замедлившись во время войны, этот процесс стал набирать обороты, воплотившись в притоке новых кадров и, одновременно с этим, в стремлении «сверху» изменить правила игры, усилив контроль и управляемость системы.

Указанные тенденции в полной мере проявились в развитии университетской экономической науки Ленинграда. В 1940 г. был открыт экономический (политико-экономический) факультет ЛГУ, первый в системе университетского образования СССР. Основу профессорско-преподавательского состава формировали ученые, получившие образование и начавшие академическую карьеру еще в дореволюционный период или в первые революционные годы. В первые послевоенные годы штат стал последовательно увеличиваться за счет представителей более молодых поколений, в том числе и за счет первых выпускников факультета. Но период относительно спокойного и весьма успешного развития был недолгим. Тяжесть обрушившегося удара, несомненно, была связана с борьбой во властных группировках, баланс сил между которыми был подорван со смертью в 1948 г. А.А. Жданова. Однако политическая борьба, соединившись с начавшейся еще ранее кампанией «критики и самокритики», фактически стала разворачиваться с 1947 г., продолжая тенденцию к усилению давления власти на различные группы деятелей науки, литературы и искусства, наметившуюся вскоре после окончания войны.

Как представляется, данная тенденция стала результатом реакции власти на общее усложнение научной и культурной среды. Одним из важнейших факторов этого процесса в научной среде можно считать рост числа научных коллективов, формирующихся в академических институтах и вузах и структурируемых не только формальными, но и неформальными связями. Теоретически (и организационно) отдельные коллективы должны были выступать проводниками «линии партии». Фактически, особенно при наличии су-

щественного авторитета и «аппаратного веса» руководителей, они приобретали значительную степень самостоятельности. Характерно, что одним из средств обеспечения унификации и управляемости в этих условиях стал контроль над языком, а основным инструментом для этого – «публичные дискуссии», в ходе которых представители партийных инстанций выступали, как правило, в роли арбитров, а функции «контролеров» возлагались непосредственно на избранных представителей данной профессиональной группы и данного коллектива.

Одним из стандартных пунктов обвинений в развернувшейся на экономическом факультете ЛГУ кампании «критики и самокритики» был провал в разработке политической экономии социализма. В феврале 1948 г. Д.К. Трифонов, в будущем крупный советский экономист, выступил с докладом «Итоги философской дискуссии и задачи преподавания политической экономии». Данный доклад интересен тем, что он выходил за традиционные рамки навешивания обвинительных ярлыков и воспроизведения штампов, отражая размышления методологического характера. Трифонов выступал против «хронологического» построения учебной программы, когда изучению экономики социализма предшествовало изучение экономики докапиталистических формаций и самого капитализма. По его мнению, это приводило к тому, что «вместо того, чтобы смотреть на капитализм глазами социализма, [мы] невольно рассматриваем советскую экономику через очки категорий политической экономии капитализма».⁶⁷ Методологическое преимущество обратного подхода при изложении учебного материала виделось ему в том, что «абстрактный характер законов капиталистического общества усугублялся тем, что для подрастающего поколения сам капитализм является абстракцией. [...] Студент, не имеющий ясного теоретического представления об обществе в котором он родился, продолжает расти и осваивать социальный мир с мира чуждого и непонятного ему. А когда он переходит к познанию родного ему социального мира, ему и здесь не дают облегченно вздохнуть и освободиться от категорий капитализма. Ему всячески доказывают, что у нас средства производства не капитал, а рабочая сила не товар».⁶⁸

67. ЦГАИПД, ф. 984, оп. 3, д. 7, л. 66.

68. Там же. Л. 69.

Но здесь, очевидно, возникала необходимость конструирования понятий-универсалий, а не понятий-метафор.

С 1950-х гг. в советской экономической науке, особенно по итогам обсуждения макета учебника политической экономии 1951 г., вновь активизировалась попытка постулирования «исходных категорий» и «основного закона» социалистической экономики. С изменением политической обстановки риторика подавления стала смягчаться (хотя этот элемент из нее так и не исчез полностью). Язык политической экономии стал выполнять функции социализации в широких рамках профессионального сообщества политэкономов и демаркации по принципу «свой—чужой» в более узких рамках борьбы между отдельными школами советской экономической науки. Риторика политэкономии, таким образом, обеспечивала поддержание и воспроизводство общего дискурсивного поля, в котором даже тончайшие семантические различия и неуловимые для «профанов» символические обороты речи утверждали и поддерживали ощущение причастности к профессиональному сообществу. Она же становилась полем для утверждения авторитета отдельных школ и их лидеров, претендующих на главенствующие позиции в профессиональном сообществе. В этой борьбе абстрактные категории политэкономии социализма и обретали свою конкретику и реальность.

Приложение

Биографии деканов экономического факультета Ленинградского государственного университета (1940—1955)

Вознесенский Александр Алексеевич (1940—1941)

Родился в 1898 г. в деревне Головкино Новосильского уезда Тульской губернии, в семье приказчика лесной конторы. Отец и мать происходили из семей священнослужителей. В 1907 г. семья переехала в уездный город Чернь. После окончания школы обучался в Черньском высшем начальном училище. В 1917 г. поступил в Петроградский историко-филологический институт. В 1918 и 1920 гг. избирался депутатом Петроградского городского совета. В 1920—1923 гг. преподавал в школе. В 1921 г. был переведен на экономическое отделение факультета общественных наук (ФОН) Петроградского университета. После его окончания в 1923 г. был оставлен на факультете для научной и преподавательской работы в области политической экономии. С 1923 г. он преподавал и заведовал кафедрами политической экономии также и в других вузах города: в Военно-морской академии, Ленинградском институте философии, литературы и истории, Ленинградском институте красной профессуры. В этом же году опубликовал две первые научные работы: «Социально-экономические предпосылки австрийской школы» и «Краткий обзор русской литературы по политической экономии за 1923 г.». В 1939 г. стал профессором.

Список научных работ А.А. Вознесенского невелик, и опубликованы они были до середины 1930-х гг. В основном они относятся к разработке теоретико-методологических проблем политической экономии. Важное значение имел подготовленный авторским коллективом («бригадой» научных сотрудников и аспирантов Ленинградского отделения Коммунистической академии под руко-

водством Б.Д. Кофмана) учебник политической экономии, изданный в двух частях в 1931–1932 гг. Перу А.А. Вознесенского в учебнике принадлежали разделы: «Предмет политической экономии» и «Товар». Учебник можно считать как одну из первых для советской экономической науки попыток систематического изложения марксистской политической экономии в виде учебного материала. На протяжении 1931–1932 гг. вышло три издания учебника.

А.А. Вознесенский был талантливым оратором, учебные и публичные лекции которого неизменно пользовались огромной популярностью.

В 1938 г. под руководством А.А. Вознесенского открывается экономическое отделение исторического факультета, а в 1940 г. на его базе – экономический факультет, который он возглавляет. Для работы на нем привлекаются и ученые, начавшие свою карьеру еще в дореволюционный период. Вскоре после начала Великой Отечественной войны приказом наркома просвещения РСФСР от 11 июля 1941 г. А.А. Вознесенский назначается ректором Ленинградского государственного университета (л. 2). В 1942–1944 гг. он одновременно исполнял также обязанности ректора Саратовского государственного университета, на базе которого функционировали эвакуированные подразделения ЛГУ. При этом он продолжал заведовать кафедрой политической экономии. Несмотря на тяжелейшие условия войны, блокады и послевоенного времени, период ректорства А.А. Вознесенского стал временем расцвета научной и преподавательской работы в Ленинградском университете. Память об этом времени сохраняется и по сей день.

В июне 1948 г. А.А. Вознесенский был назначен министром просвещения РСФСР (аналогичный пост для всего СССР в то время отсутствовал). Приказы Министерства образования о его освобождении от должностей заведующего кафедрой политической экономии и ректора ЛГУ датированы 29 июня 1948 г. (лл. 70, 71). За год работы на новом посту им была проведена большая работа по реорганизации системы народного образования. В июле 1949 г. он был снят с поста министра, через месяц арестован, а в сентябре 1950 г. – расстрелян. Обвинений в свой адрес не признал.

Незадолго до ареста ему почти удалось закончить две рукописи: «Динамика стоимости рабочей силы при капитализме»;

«Логика и основные идеи “Капитала”». Очевидно, речь шла о завершении работ, начатых еще на рубеже 30–40-х гг. и неоконченных в связи с загруженностью административной работой: рукописи «Динамика стоимости рабочей силы» (3 п.л., 1937 г.); «Как самостоятельно изучать «Капитал» Маркса» (2 п.л., 1940 г.); Основные идеи «Капитала» Маркса (10 п.л., 1941 г.) фигурируют в списке научных трудов А.А. Вознесенского в его личном деле (л. 56). Они считаются уничтоженными после ареста.

Источник: ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотрудников, уволенных в 1942–1949 гг., св. 61, л. 22.

Рейхардт Виктор Владимирович (1941–1948)

Родился в 1901 г. в Санкт-Петербурге в дворянской семье. В 1925 г. окончил экономическое отделение факультета общественных наук ЛГУ. С этого же года начал преподавательскую деятельность в стенах Ленинградского университета, а затем и в ряде других вузов города. Читал курсы политической экономии, истории политической экономии, истории народного хозяйства. В 1931 г. окончил аспирантуру по политической экономии при Ленинградском отделении Коммунистической академии (ЛОКА), начал самостоятельную работу по научному руководству аспирантами. С 1931 по 1935 гг. состоял старшим научным сотрудником Института экономики ЛОКА. В 1936 г. в Коммунистической академии в Москве В.В. Рейхардту была присвоена и там же утверждена степень кандидата экономических наук «ввиду наличия большого количества научных работ» (л. 17). В апреле 1940 г. был утвержден в звании доцента по Ленинградскому финансово-экономическому институту.

С 1939 г. вернулся к работе в ЛГУ. Со времени открытия экономического факультета в 1940 г. являлся доцентом кафедры политической экономии, заместителем декана. После назначения А.А. Вознесенского ректором Университета, летом 1941 г., стал исполнять обязанности декана факультета (утвержден в должности декана приказом Министерства высшего образования СССР он был лишь в августе 1947 г.) С началом Великой Отечественной войны работал на строительстве оборонных рубежей, был бойцом рабо-

чего батальона Василеостровского района, затем командиром взвода рабочего отряда ЛГУ. Вместе с Университетом был эвакуирован в Саратов. В непростых условиях эвакуации В.В. Рейхардт сочетал административную деятельность с научной и педагогической работой. В 1942 г. Ученый совет ЛГУ присудил ему звание профессора, это решение, однако, не было утверждено Высшей аттестационной комиссией «ввиду отсутствия у соискателя ученой степени доктора наук». В 1944 г. защитил диссертацию на соискание степени доктора экономических наук на тему «Война и социалистическое хозяйство» (формальную процедуру утверждения в условиях военного и послевоенного времени она так и не прошла).

В 1925 г. в журнале «Труд в России» были опубликованы первые результаты научных исследований В.В. Рейхардта, основанные на его работе с архивными источниками: «Работодательские союзы в 1905–1906 годах»; «Из истории борьбы предпринимателей с рабочими организациями в 1917 году». В том же году он опубликовал 8 отзывов книги в различных периодических изданиях. С 1927 г. начинает регулярно публиковаться в периодической печати «по текущим вопросам советской промышленности и сельского хозяйства» (л. 19). На начало 1947 г. список печатных работ В.В. Рейхардта включал 145 наименований (их них – 1 монография, 27 статей в журналах и сборниках, несколько глав в монографиях и учебных пособиях, архивных сообщений) (лл. 54–55).

В личном деле В.В. Рейхардта в архиве СПбГУ содержатся отзывы о его работе, подписанные В.М. Штейном (л. 18) и Я.С. Розенфельдом (л. 19) и датированные весной 1942 г. Они являются ценными источниками для характеристики его научной и педагогической деятельности. В.М. Штейн выделил три этапа в творчестве В.В. Рейхардта (л. 18):

1) «С 1925 по 1930 г. он занимался преимущественно вопросами истории русского монополистического капитализма, изучением отраслевой экономики и отчасти проблемами военного хозяйства». Из научных работ этого периода В.М. Штейн выделял статью «К проблеме монополистического капитализма», «содержащую оригинальные мысли и построенную в значительной мере на архивных источниках» (опубликована в 1931 г. в №5–6 журнала «Проблемы марксизма»);

2) «С 1930 по 1934 г. В.В. Рейхардт сосредотачивает свое внимание на больших вопросах экономической теории, проводя в печати борьбу против меньшевистских извращений теории Маркса». Следует добавить, что именно в этот период В.В. Рейхардт участвует в написании учебника по политической экономии в составе «бригады» научных сотрудников и аспирантов ЛОКА. Учебник стал интересной попыткой систематического изложения учебного материала по политической экономии и одной из вех в развитии политической экономии социализма. В то же время, вполне в духе того времени, значительное место в нем уделялось уничижительной критике известных на тот момент «уклонов» и «извращений», связанных с именами Л.Д. Троцкого, Е.А. Преображенского, Н.И. Бухарина, И.И. Рубина, А.Ю. Финн-Енотаевского и ряда других экономистов и политических деятелей;

3) «С 1934 г. он посвящает свою исследовательскую работу в основном проблемам истории народного хозяйства и отчасти возвращается к изучению военной экономики». Известно, что перевод книги Рейхардта «Очерки по истории докапиталистических формаций», вышедшей в 1934 г., был опубликован затем в Японии.

В «качестве особенно ценной черты» В.В. Рейхардта В.М. Штейн отмечал, то, что «он принадлежит к той группе экономистов, которая обладает обширным историческим образованием». Я.С. Розенфельд писал: «Экономическая история в весьма широком плане — в связи с гражданской историей и в связи с историей экономической мысли, представляет собой специфическую черту научного лица В.В. Рейхардта, выделяющую его в среде политэкономов». В то же время он подчеркивал, что «В.В. Рейхардт и в своих исторических исследованиях остается по существу теоретиком-политэкономом: в истории его больше всего интересует историческое формирование экономических категорий» (л. 19).

К этой характеристике этапов научной деятельности В.В. Рейхардта можно добавить то, что в послевоенный период он занялся разработкой проблем политической экономии социализма. Его опубликованные работы в данной области, как (по воспоминаниям тогдашних студентов) и соответствующие лекции, не отличались большей теоретической глубиной и в значительной степени состояли из идеологических штампов и цитат «классиков

марксизма-ленинизма». Но в этом они лишь отражали дух времени. Несомненной заслугой В.В. Рейхардта можно считать четкое указание на наличие объективных закономерностей функционирования социалистической экономики и необходимость их изучения.

В 1947 г. в положительной в целом характеристике В.В. Рейхардта как члена ВКП(б), подписанной тогдашним секретарем партбюро факультета С.А. Ильиным, появляется упоминание о его дворянском происхождении, а также о том, что в 1936 г. он был исключен из кандидатов в члены партии «по мотивам непроявления политической бдительности» (л. 51). Однако тогда еще ничего не предвещало последующего развития событий.

В условиях развертывания борьбы с «космополитизмом» в июне 1948 г. состоялось обсуждение книги В.М. Штейна «Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков». Формальным поводом для начала кампании лично против декана В.В. Рейхардта послужила проверка библиотечных фондов, выявившая в советских журналах 1920-х гг. статьи «врагов народа». 13 сентября 1948 г. он подал ректору заявление с просьбой освободить его от обязанностей декана. В декабре Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина официально обратился в ЛГУ с просьбой разрешить перевод В.В. Рейхардта туда как на основное место работы. В направленном из Института письме подчеркивалось, что его Дирекция не будет возражать против возможности работы В.В. Рейхардта в Университете в порядке совместительства. Резолюция декана С.А. Ильина такой возможности не оставляла (л. 80).

Вскоре В.В. Рейхардт был арестован по «Ленинградскому делу» и в ноябре 1949 г. погиб в тюрьме.

Источник: ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотрудников, уволенных в 1942–1949 гг., св. 32, д. 1496.

Ильин Серафим Андрианович (1948–1950)

Родился в 1913 г. в деревне Белое Озеро Яльчикского района Чувашии в семье служащих. В 1929–1932 гг. обучался на зерновом факультете Казанского сельскохозяйственного института, полу-

чил квалификацию агронома-специалиста по зерновым культурам. В 1932–1934 гг. являлся аспирантом того же института. В 1933 г. были опубликованы его первые работы, посвященные аграрной проблематике. Брошюры и статьи в этой области будут продолжать регулярно выходить и в дальнейшем. В 1934–1935 гг. исполнял обязанности заведующего кафедрой организации сельскохозяйственного производства Марийской высшей коммунистической сельскохозяйственной школы (г. Йошкар-Ола), затем перевелся в Казанский сельскохозяйственный институт, где с 1936 г. заведовал кафедрой экономики и организации сельского хозяйства. В 1936 г. защитил диссертацию на соискание степени кандидата экономических наук на тему «Экономика животноводства Марийской автономной области» при Ученом совете Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. В этом же году ему было присвоено звание доцента. В 1937–1940 гг. проходил заочное обучение в Казанском государственном педагогическом институте по специальности «гражданская история», получил квалификацию и звание учителя средней школы.

С сентября 1940 г. являлся доцентом Ленинградского института механизации сельского хозяйства, заведовал кафедрой организации сельскохозяйственных предприятий. В августе 1941 г. был назначен начальником одного из эшелонов с эвакуируемым из Ленинграда населением, с сентября 1941 г. вернулся к прежней работе в Казанском сельскохозяйственном институте. Там же в 1942 г. занимал должность зам. директора института по научно-учебной работе, а с сентября 1943 по май 1944 г. — декана полеводческого факультета (от этих должностей был освобожден «по личной его просьбе ввиду болезни») (л. 71). В октябре 1944 г. был зачислен доцентом на кафедру конкретных экономик политико-экономического факультета Ленинградского государственного университета по эвакуации в Ленинград (Институт механизации сельского хозяйства, в котором он работал до начала войны, был возвращен в город в 1945 г.) (л. 75). С.А. Ильин читал первую часть лекционного курса по экономике сельского хозяйства. С 1946 г. он регулярно публикует статьи в газете «Ленинградская правда» и журнале «Агитация и пропаганда», других периодических изданиях («О повышении роли трудодня в распределении колхозных доходов», «МТС — могучий

рычаг подъема сельского хозяйства» и др.) В 1954 г. в издательстве ЛГУ выходит его работа «Вопросы интенсификации социалистического земледелия».

С октября 1946 по январь 1948 г. являлся секретарем партбюро политико-экономического факультета. Возглавил кампанию по борьбе с деканом В.В. Рейхардтом и ведущими представителями профессорско-преподавательского состава факультета. Как отмечалось в его официальной характеристике, датированной 1950 г., «С.А. Ильин – активный участник борьбы партийной организации факультета и Университета с космополитизмом, буржуазным национализмом и формализмом в науке» (л. 66).

В сентябре 1948 г. был назначен деканом факультета после ухода с этого поста В.В. Рейхардта. С апреля 1949 г. исполнял обязанности заведующего кафедрой конкретных экономик вместо освобожденного от этой должности и вскоре арестованного проф. Я.С. Розенфельда. На протяжении 1948–1949 гг. многие преподаватели были репрессированы или вынужденно покинули университет.

В августе 1950 г. был освобожден от обязанностей декана экономического факультета и назначен проректором ЛГУ по научной работе. В мае 1951 г. был освобожден от этой должности «по его личному заявлению, в связи с болезнью» (л. 80). В первой половине 1950-х гг., продолжая оставаться доцентом экономического факультета и заведующим кафедрой отраслевых экономик (как стала называться кафедра конкретных экономик), по совместительству работал также в Ленинградском институте механизации сельского хозяйства, Ленинградском финансово-экономическом институте, в Институте повышения квалификации преподавателей марксизма-ленинизма при ЛГУ.

В 1955 г. был избран на должность доцента в Высшей заготовительной школе Министерства заготовок СССР и подал заявление об уходе из ЛГУ в связи с переходом на другую работу. Приказ о его освобождении от должности заведующего кафедрой отраслевых экономик датирован мартом 1956 г. (л. 117). В 1963 г. стал доктором экономических наук, защитив диссертацию по теме «Экономика производства картофеля в СССР», вскоре получил звание профессора. С.А. Ильин работал также в Казанском сельскохозяйственном институте. Последним местом его работы стал Ярославский госу-

дарственный университет, где он заведовал кафедрой статистики и учета. После выхода на пенсию в середине 1980-х гг. проживал в Ленинграде. По имеющимся данным, скончался в 1994 г.

Источник: ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотрудников, уволенных в 1955 г., св. 6, д. 156.

Сони́на Татьяна Алексеевна (1950–1955)

Родилась в 1905 г. в г. Ельце Тамбовской губернии (в настоящее время – Липецкая обл.), в семье мелкого служащего. В 1920–1921 гг. работала переписчиком в одной из бригад трудовой армии, базировавшейся в Ельце. В 1921–1923 гг. завершала среднее образование в Елецкой железнодорожной школе II ступени (1, л. 9). В 1923–1928 гг. обучалась в Ленинградском институте народного хозяйства им. Ф. Энгельса, окончив банковский цикл «счетоводно-финансового отделения по специальности «экономист-финансист» (1, л. 12).

Очевидно, что преподавательскую деятельность Т.А. Сони́на начала еще в студенческие годы, в 1926 г. (1, л. 7). По окончании института была оставлена ассистентом кафедры истории народного хозяйства Западной Европы ЛИИХ (1, л. 9). Одновременно с этим приступила к работе в Ленинградском коммунальном банке (с 1929 г. – в должности старшего экономиста). Банк был создан в 1923 г. на правах акционерного общества для кредитования коммунального хозяйства и местных государственных, кооперативных и частных предприятий; в 1931 г. преобразован в государственное учреждение и подчинен Всесоюзному банку финансирования коммунального и жилищного строительства (Цекомбанку). В 1930 г. Т.А. Сони́на оставила преподавание, сосредоточившись на банковской работе.

В 1936 г. перевелась на должность старшего экономиста инженерно-строительного отдела УНКВД по Ленинградской области (позднее – II строительный трест НКВД СССР). В 1938 г. возглавила плановый отдел треста. Во время блокады Ленинграда оставалась в городе, являлась секретарем партийного бюро своей организации. Была награждена двумя медалями: «За оборону Ле-

нинграда» (1942 г.) и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1945 г.)

В июле 1944 г. по решению Ленинградского горкома была направлена в Москву на трехмесячные курсы по подготовке преподавателей политэкономии при Всесоюзном комитете по делам высшей школы, по возвращению с которых была переведена на работу в Дзержинский райком ВКП(б) в качестве инструктора отдела агитации и пропаганды. Одновременно преподавала политическую экономию в школе НКВД. С мая по ноябрь 1945 г. обучалась на курсах по подготовке преподавателей марксизма-ленинизма и политической экономии при Высшей партийной школе ЦК ВКП(б), после чего была принята в аспирантуру политико-экономического факультета ЛГУ по кафедре политической экономии. В ноябре 1949 г. Т.А. Сониная защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук по теме «Источники финансирования жилищного строительства в СССР».

Характерным явлением конца 1940-х гг. было стремление максимально усилить связь науки с производством, которое приобрело характер кампании после появления в 1949 г. «Письма И.В. Сталину работников промышленности, деятелей науки и техники города Ленинграда и Ленинградской области». Это проявлялось в том числе и в виде договоров о сотрудничестве с предприятиями. В рамках одного из таких договоров, заключенных с литейно-механическим заводом, «доцент Т.А. Сониная работала над вопросом перевода на хозяйственный расчет автобазы завода» (4, 109).

Т.А. Сониная была назначена деканом факультета в августе 1950 г. (2, л. 67) и занимала эту должность до ноября 1955 г., будучи освобождена от нее «по личной просьбе» (3, л. 35).

Согласно немногим сохранившимся воспоминаниям, на посту декана Т.А. Сониная демонстрировала типичные для руководителей того периода жесткость и строгость. Эти же качества отличали ее и как преподавателя. По словам одного из очевидцев, знавшего ее в 1950-е гг., «она вела спецсеминар по «Капиталу», и этим все сказано». По воспоминаниям, относящимся к более позднему периоду ее работы на факультете, в общении с коллегами она была корректным, вежливым и в то же время весьма сдержанным и закрытым человеком.

Деканство Т.А. Сониной пришлось, пожалуй, на самый тяжелый период в истории экономического факультета ЛГУ. Разгром конца 1940-х гг. не мог не привести к спаду в научной деятельности. Достаточно в связи с этим указать на то, что в период с 1949 по 1952 гг. на страницах периодического научного издания ЛГУ, «Вестника Ленинградского университета», сотрудники экономического факультета практически не публиковали научных статей. Вместе с тем, уже с 1952–1953 гг. становятся заметны признаки выхода из сложившегося положения и складывания новой структуры. Оживляется научная работа. В частности, в «Вестнике» начинают регулярно публиковаться статьи Д.К. Трифонова, С.И. Тюльпанова, Н.Д. Колесова, В.А. Пешехонова и ряда других ученых. Увеличивается количество защищенных кандидатских диссертаций.

Помимо уже упомянутого спецсеминара по «Капиталу», Т.А. Сониная читала курс политической экономии. Число опубликованных ею научных работ невелико. Она принимала участие в написании учебника «Курс лекций по политической экономии. Коммунистический способ производства», вышедшего под редакцией В.А. Пешехонова в издательстве ЛГУ в 1963 г. В 1964 и 1965 гг. выходит составленный ею сборник статей «О методике преподавания политической экономии». Последней публикацией Т.А. Сониной стала глава «Проблемы распределения (1917–1936 гг.)» в вышедшей в 1972 г. коллективной монографии ученых ЛГУ «История политической экономии социализма».

После выхода на пенсию, Т.А. Сониная некоторое время еще продолжала сотрудничать с экономическим факультетом.

Источники:

1. ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 7240, оп 12, д. 2701.
2. ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотрудников, уволенных в 1955 г., св. 6, д. 156.
3. ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотрудников, уволенных в 1967 г., св. 26, д. 1081.
4. Ильин С.А. Работа Экономического факультета ЛГУ по содружеству с производством в 1949/50 учебном году // Вестник Ленинградского университета. 1950. № 6.

Литература

1. *Андреев Д.А.* «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы // Новое литературное обозрение. 2008. № 90.
2. *Буковецкий А.И.* Экономическое отделение ФОН // На штурм науки. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1971.
3. *Вознесенский Н.А.* К вопросу об экономике социализма // *Вознесенский Н.А.* Избранные произведения. 1937–1947. М.: Политиздат, 1979.
4. *Воронцовский А.В.* В.В. Леонтьев – выдающийся экономист XX столетия // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Серия 5. Вып. 1.
5. Высшая школа. Сборник основных постановлений, приказов и инструкций. Ч. 1. М.: Высшая школа, 1978.
6. *Ганелин Р.Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. СПб.: Нестор, 2004.
7. Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР. М.: Би., 1979.
8. *Дзарасов С.С., Меньшиков С.М., Попов Г.Х.* Судьба политической экономики и ее советского классика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.
9. *Дмитриев А.Н.* «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. 2007. № 88.
10. История Ленинградского университета. Очерки. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1969.
11. История преподавания и развития статистики в Петербургском – Ленинградском университете (1819 – 1971). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1972.
12. *Кожевников А.Б.* Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947 – 1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4.

13. *Купайгородская А.П.* Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда (1917–1922) // *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов.* СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003.
14. Ленинградский университет за советские годы (1917–1947). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1948.
15. Ленинградский финансово-экономический институт. Краткие сведения. Л.: ЛФЭИ, 1940.
16. Ленинградский финансово-экономический институт. Краткие сведения. Л.: ЛФЭИ, 1941.
17. «Ленинградское дело». Л.: Лениздат, 1990.
18. *Маврин С.П., Смирнов В.Н.* История нормативного регулирования штатного совместительства в высшей школе // *Правоведение.* 1984. № 6.
19. *Макклоски Д.* Риторика экономической теории // *Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания.* М.: Изд. дом ВШЭ, 2011.
20. *Мау В.А.* В поисках планомерности: из истории развития советской экономической мысли конца 30-х – начала 60-х годов. М.: Наука, 1990.
21. *Панеях В.М.* Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 г. // *Вопросы истории.* 1993. № 10.
22. *Пешихонов В.А.* Alma mater: страницы истории // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* 1998. Серия 5. Вып. 3.
23. *Политическая экономия.* Учебник для комвузов и вузов / Под ред. Б.Д. Кофмана. 3-е изд., перераб. Ч. I. М.; Л.: Партиздат, 1932.
24. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 8. М.: ОГИЗ: Гос. изд-во полит. литературы, 1948.
25. *Шариков К.Г.* Университет на подъеме // *На штурм науки. Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета.* Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1971.
26. *Шилов А. А.* Юридический факультет Ленинградского университета в первые годы советской власти // *Правоведение.* 1969. №1.
27. *Эльязшова Л.Л.* «Папа» Вознесенский // *Нева.* 1998. № 10.

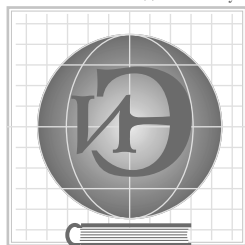
Денис Валерьевич
МЕЛЬНИК

Денис Валерьевич Мельник – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН, доцент кафедры экономической методологии и истории факультета экономики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Закончил экономический факультет Санкт-Петербургского университета, с 2001 г. начал там свою преподавательскую деятельность, в 2003 г. защитил кандидатскую диссертацию. Область научных интересов: история и методология экономической науки, теория экономического развития.

Член Европейского общества истории экономической мысли, Новой экономической ассоциации.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Мельник Д.В.

Из истории институционализации экономической науки:
«ленинградское дело»

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Ерзнкян М.Д.*

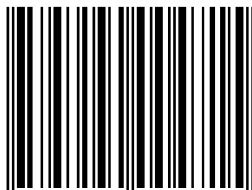
Компьютерная верстка *Сухомлинов А.Р.*

Подписано в печать 16. 06. 2014. Заказ № 29

Тираж 300 экз. Объем 2,2 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0471-5

9 785994 004715